

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

**[примерное содержание текста кассационных жалоб
КПРФ и выдвинутого ею зарегистрированного кандидата
в депутаты Государственной Думы VIII созыва по образованному
на территории г. Москвы одномандатному избирательному округу]**

**[на примере содержания кассационных жалоб КПРФ и Валерия Рашкина
во Второй кассационный суд общей юрисдикции на решение Пресненского
районного суда города Москвы от 21.10.2021 и апелляционное определение
Московского городского суда от 17.11.2021 по делу № 02а-677/2021 (33а-5455/2021)]**

Соистцы Рашкин В.Ф. и КПРФ и обратились в Пресненский районный суд города Москвы (далее - суд, суд первой инстанции) с иском к УИК ДЭГ об отмене итогов голосования на участке №5001.

Решением Пресненского районного суда г. Москвы от 21.10.2021 по делу № 02а-677/2021 административным истцам отказано в удовлетворении административных исков.

Административные истцы, не согласившись с указанным решением суда первой инстанции, подали апелляционную жалобу в Московский городской суд (далее – суд, суд второй инстанции).

Определением Московского городского суда от 17.11.2021 по делу № 33а-5455/2021 решение суда первой инстанции оставлено без изменения, апелляционные жалоба без удовлетворения.

Заявитель (КПРФ) [заявитель (Рашкин В.Ф)] не согласен[ны] с принятыми решением (и апелляционным определением по делу), считает[ют] их незаконными и необоснованными, принятыми с грубыми нарушениями норм материального и процессуального права, что в целом не позволило разрешить дело правильно, а потому подлежащими отмене по нижеследующим причинам.

1

В нарушение ч. 3 ст. 62 КАС суд первой инстанции неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для административного дела, суд второй инстанции в нарушение ч. 7 ст. 307 и п. 1 ч. 2 ст. 310 КАС не увидел эту ошибку суда первой инстанции, не исправил предмет доказывания и не рассмотрел дело с учетом правильно установленного набора имеющих значение обстоятельств, хотя имел на это полномочия.

Между тем, истец представил суду первой инстанции свои доводы о предмете доказывания, в первоначальном иске, в уточненном иске, а также в объяснениях. Суд первой инстанции не указал истцу ни на какие иные обстоятельства, подлежащие включению в предмет доказывания, равно как суд не указал на обстоятельства, на которые ссылался истец, как на ошибочные и не относящиеся к делу, поэтому истец исходил из того, что предмет доказывания им определен правильно.

Однако, в решении суда первой инстанции и в резолютивной части апелляционного определения отсутствуют обстоятельства, которые имеют значение

для дела и которые истцы указали в иске и в других состязательных бумагах о предмете доказывания.

Суды не посчитали обстоятельствами, имеющими значение для дела, что:

1) 15.09.2021, т.е. за несколько дней до первого дня голосования, Собянин С.С., мэр Москвы, обладающий соответствующим административным ресурсом, кандидат от партии «Единая Россия» на указанных выборах, опубликовал на своем сайте <https://www.sobyanin.ru/komanda-kandidatov-v-gosudarstvennuyu-dumu> список «команда Собянина». В округе № 196 Баженов Т.Т. был заявлен Собяниным С.С. членом «команды», впоследствии данный кандидат был объявлен избранным депутатом Государственной Думы РФ и победителем на выборах в округе №196,

2) правительство Москвы в период избирательной кампании по выборам депутатов Государственной Думы провело розыгрыш призов за участие в дистанционном электронном голосовании - «#ВыбираемВместе», акция правительства Москвы «#Выбираем вместе» («Миллион призов») оказала воздействие на свободное волеизъявление избирателей, побудила граждан участвовать в выборах не в целях реализации своего конституционного права на избрание депутатов Государственной Думы, а для получения материальной выгоды, стала средством агитации (подкупом избирателей) как за самого С.С. Собянина, так и - опосредованно - за поддержанных им кандидатов, в том числе за Баженова Т.Т.,

3) Судами не учтен тот факт, что из-за технического несовершенства системы ДЭГ, либо сбоев в процессе ее работы фактически было незаконно существенно ограничена возможность гарантированной законом полноценной реализации избирательных прав ряда граждан, КПРФ, Рашкина В.Ф. и их кандидатов:

- в список избирателей, который должен был формироваться путем подачи заявлений избирателей, зарегистрированных на территории округа №196 через ПГУ о включении их в список для голосования в ДЭГ на участке №5001, были внесены граждане, не зарегистрированные на территории округа №196, а также «виртуальные» (вымышленные, не существующие) «граждане», которые также именуются «ботами»,

- имели место факты неисключения избирателей, зарегистрированных в системе ДЭГ, из списка избирателей, голосующих в помещении для голосования,

- избирателям было отказано в возможности голосования в помещении для голосования в связи с подачей заявления об участии в ДЭГ, которое было перед днем голосования отклонено.

Все эти обстоятельства были изложены в административном иске КПРФ и Рашкина В.Ф., в устных объяснениях представителей административного истца, зафиксированных в аудиозаписи судебного заседания, в апелляционной жалобе и в иных документах по делу.

Однако суды нижестоящих инстанций не включили эти факты в предмет доказывания.

Позиция двух судов свелась, по сути, к наличию протоколов № 1 и № 2 УИК ДЭГ, в нем зафиксированы некие цифры, только они являются достоверными, независимо от того, как они были получены. То есть суды посчитали, что существенными обстоятельствами дела являются формальности (есть ли на протоколе печати и подписи и т.п.), а не содержание избирательных действий, которые привели к получению итоговых данных спорного протокола.

Такое ошибочное определение предмета доказывания объясняется тем, что суды неправильно применили материальный закон. Это также привело к многочисленным процессуальным ошибкам, допущенным судами, которые будут проанализированы ниже.

Следовательно, критически важные обстоятельства не были включены в круг доказывания, а потому обжалуемые судебные акты являются необоснованными.

2

В нарушение п. 2 ч. 4 ст. 180 КАС суд первой инстанции установил обстоятельства, имеющие значение для административного дела, которые не подтверждены доказательствами, а суд второй инстанции в нарушение ч. 7 ст. 307 и п. 2 ч. 2 ст. 310 КАС не устранил эту ошибку суда первой инстанции, не увидел отсутствие доказательств для ключевых фактов и не рассмотрел дело с учетом новых доказательств, о которых просили истцы (в данном случае речь идет о вызове свидетелей – членов УИК ДЭГ, наблюдателей, о вызове специалистов, об истребовании доказательств), хотя имел на это полномочия.

Истец понимает, что суд кассационной инстанции не переоценивает доказательства и не устанавливает новые факты, о чем истец и не просит. Истец обращает внимание суда третьей инстанции на соблюдение процессуальных правил доказывания в нижестоящих судах и именно в этом аспекте признать их несоблюдение.

1) Суды установили, что ДЭГ проводилось через специальное программное обеспечение ПГУ г. Москвы, оператором которого является ДИТ.

Между тем, в деле отсутствуют каких бы то ни было доказательства того, что ДЭГ проводилось с использованием определенного программного обеспечения (ПО) ПГУ Москвы, а не какого-то иного ПО (специально разработанного для фальсификации итогов голосования).

Истец просил в нижестоящих судах истребовать из ДИТ машиночитаемые носители (устройства постоянной компьютерной памяти, установленные на серверах в дата-центре ДИТ) с электронными следами того ПО, которое использовалось в период составления списка избирателей в ДЭГ и в период голосования 17-19.09.2021, однако оба суда отвергли это ходатайство. Но в таком случае установленный судами факт ничем не подтверждается.

2) Суды установили, что список избирателей участка ДЭГ формировался путем подачи заявлений избирателей и в список вносились именно избиратели округа №196.

Однако в деле не имеется ни одного подтверждающего этот факт доказательства.

Истец просил в нижестоящих судах истребовать из ДИТ машиночитаемые носители (устройства постоянной компьютерной памяти, установленные на серверах в дата-центре ДИТ) с электронными следами того, что именно избиратели округа №196 подавали заявления на включение их в список ДЭГ, а также что именно избиратели были включены в этот список, однако суды первой и второй инстанций отвергли и это ходатайство.

Но в таком случае установленный судами факт ничем не подтверждается.

3) Суды установили, что в список ДЭГ на участке № 5001 было внесено число избирателей, соответствующее числу избирателей, указанных в соответствующих строках в протоколах № 1 и № 2 УИК об итогах ДЭГ по одномандатному

избирательному округу № 196 избирательного участка для дистанционного электронного голосования № 5001.

Учитывая, что суды не стали истребовать собственно программное обеспечение ПГУ Москвы, чтоб установить оно ли использовалось для регистрации избирателей в списке ДЭГ и корректно ли оно работало, не допускало ли регистрацию избирателей с других округов, а также вымышленных избирателей (ботов), то данный факт не доказан.

Сама по себе запись в протоколах таким доказательством не является.

4) Также запись в протоколе не является доказательством того, что доступ к бюллетеням для электронного голосования был предоставлен ровно тому количеству избирателей, которое указано в протоколах №1 и № 2.

5) Суды установили, что жалоб в дни голосования на участке № 5001 не поступало.

Однако в деле имеются ссылки на публикации СМИ, а также даны пояснения истцов, из которых следует, что члены УИК ДЭГ А. Лобонк, Н. Колосов, И. Сухоруков подавали жалобы и неоднократно.

Однако суды отказались вызвать этих лиц в качестве свидетелей и допросить по обстоятельствам подачи ими жалоб.

Тогда установленный судами факт отсутствия жалоб является голословным, основанным только на содержании Протоколов № 1 и № 2, которое административными истцами оспаривается. Исходя из этого, сама по себе запись в спорном протоколе не может говорить о том, что фактически жалоб не было.

6) Суды установили, что как истцы, так и независимые наблюдатели могли беспрепятственно контролировать ход подсчета голосов и оформление его результатов.

Истец полагает, что и в этом случае в деле нет доказательств установленного судами факта. Более того, имеются опровергающие его доказательства – публикации в СМИ, о том, что демонстрация данных о ходе голосования на экранах мониторов с сайта www.observer.mos.ru была некорректной, доверять ей было нельзя, а нода наблюдателей была заблокирована в 20:00 19.09.2021 и не была разблокирована никогда.

7) Суды установили, что у наблюдателей имелась возможность убедиться, что после 20:00 19.09.2021 в систему ДЭГ (блокчейн) новые голоса не поступали.

Между тем, этот факт могли подтвердить лишь сами наблюдатели, которые в качестве свидетелей в суде не допрашивались.

Напротив, в деле есть публикации с анализом специалистов и свидетельствами членов УИК ДЭГ А. Лобонк, Н. Колосова, И. Сухорукова о том, что в 20:00 19.09.2021 нода наблюдателей была заблокирована по распоряжению ФСБ, и никто не мог наблюдать за тем, что происходило с публичным и тайным блокчейном, как там производился подсчет голосов, не поступали ли в него новые голоса.

Кроме того, суд первой инстанции в своем решении употребляет понятия «блокчейн», «ключ расшифрования», «авторизация» и др., которые являются специальными и не общеупотребимыми. Для понимания функционирования «блокчейна» и того, как установить факт, что в «блокчейн» новые голоса не поступали (или поступали), суду требовалась помощь специалистов, о привлечении которых просили административные истцы.

Однако суд без достаточных к тому оснований установил фактические данные, получение которых должно было основываться на использовании специальных знаний.

8) Суды также установили, что наблюдатели 19.09.2021 после завершения времени голосования могли убедиться, что в списке избирателей отсутствуют лица, не обладающие активным избирательным правом, а также факт того, что наблюдатели могли контролировать сортировку бюллетеней и ход подсчета голосов.

Однако и этот факт ничем не доказан, т.к., как уже было указано выше, в 20:00 19.09.2021 нода наблюдателей была заблокирована (о чем в открытых источниках имеются многочисленные публикации), а именно через нее осуществляется доступ к компьютерным ресурсам ДИТ, на которых размещен файл со списком. По тем же причинам наблюдатели не могли видеть ни сортировку бюллетеней, ни процедуру их подсчета.

Соответственно, эти избирательные действия, совершаемые в виртуальном пространстве, которые можно было воспринимать только с экрана ноды наблюдателей, не могли быть доступны наблюдателям, а установленные судами обратные факты не имеют под собой никаких оснований.

9) Суды установили, что расшифровка электронных голосов была завершена, что все транзакции были сохранены вместе с ключом расшифрования.

Однако данный факт опровергается заключением специалиста, которое было получено КПРФ и было приобщено к делу. Суды обеих инстанций не объяснили, почему отвергли это заключение. Суды сослались на заключение технической группы общественного штаба по наблюдению, но в этом заключении говорится о том, что у технической группы отсутствуют достаточные материалы, о предоставлении которых они просили ДИТ, чтоб сделать какие-либо выводы о нарушении процедуры ДЭГ.

Следовательно, ключевые факты, которые легли в основу решения суда первой инстанции и апелляционного определения, не подтверждены достоверными доказательствами, а потому эти судебные акты являются необоснованными.

3

Истец полагает, что суд первой инстанции вопреки п. 2 ч. 6 ст. 180 КАС пришел к выводам, противоречащим реальным обстоятельствам дела, а суд второй инстанции в нарушение п. 3 ч. 2 ст. 310 КАС не установил эту ошибку суда первой инстанции и не увидел противоречий между установленными фактами и выводами суда из них, хотя имел на это полномочия.

1) Суды пришли к выводу, что в спорные протоколы не вносились ложные данные.

Между тем, по причинам, изложенным в п. 1, суды не включили в предмет доказывания значимые факты, а также по причинам, изложенным в п. 2 жалобы, установили голословные факты, а потому данный вывод не соответствует действительности.

Кроме того, судами проигнорирован как якобы несущественный факт наличия формальных нарушений при составлении Протоколов № 1 и № 2. Между тем, Протоколы № 1 и № 2, имеющиеся в материалах дела, явно не соответствуют формам, приведенным в приложениях N 7.1 - 7.4 к Порядку ДЭГ (установлен Постановлением ЦИК России от 20.07.2021 № 26/225-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года»). Протокол № 1 не соответствует указанной форме (Приложение № 7.2.) в части содержащейся в нем

информации о дате голосования (17-19 сентября 2021 года вместо 19 сентября 2021). В Протоколе № 2 присутствует аналогичное нарушение. Кроме того, Протокол № 2 участковой избирательной комиссии по избирательному участку ДЭГ об итогах дистанционного электронного голосования по федеральному избирательному округу не соответствует форме, утвержденной Постановлением ЦИК России от 20.07.2021 № 26/225-8 (Приложение № 7.1.), поскольку содержит лишнюю строку «наименование и номер одномандатного избирательного округа», не предусмотренную Порядком ДЭГ.

Истец представил судам факты и доказал их – в протокол были внесены ложные данные, как о числе включенных в список избирателей, так и о числе проголосовавших за кандидата Баженова Т.Т. и кандидата Рашкина В.Ф.

2) Суды пришли к выводу, что УИК ДЭГ действовала в пределах ее полномочий.

Однако суды не установили ни одного факта, из которых следовал бы такой вывод, кроме одного, - что члены УИК ДЭГ подписали протокол и поставили на нем печать.

Вместе с тем, истец представил судам обеих инстанций факты и их доказательства, что члены УИК ДЭГ не производили никаких действий по включению избирателей в список для участия в ДЭГ, по контролю за тем, чтоб в список не были включены не-избиратели, а также вымышленные избиратели-боты, не производили извлечение электронных бюллетеней из виртуальной урны, не сортировали бюллетени, не осуществляли подсчета голосов. Все эти действия производились не членами УИК ДЭГ и даже не при их участии, а производились на программно-техническом комплексе ДИТ, который был подчинен одному из кандидатов на выборах мэру Москвы С.С. Собянину, в «команду» которого входил Баженов Т.Т. и который в итоге выиграл выборы фактически только за счет победы на единственном участке - №5001.

Следовательно, выводы судов первой и второй инстанций не соответствуют реальным фактам, а потому их судебные акты являются необоснованными.

4

Считаем, что суды нижестоящих инстанций допустили грубые процессуальные нарушения, которые привели к неправильному разрешению дела в целом. В нарушение ч. 2 ст. 62 КАС РФ суд полностью возложил бремя доказывания не на орган, обладающий публичными полномочиями (избирательную комиссию), а на административных истцов.

Активность истца по доказыванию была полностью подавлена судами, отказавшими ему во всех ходатайствах, связанных с истребованием доказательств. Таким образом, суд не предоставил административному истцу возможности доказать факты, не выгодные административному ответчику. Суд создал привилегированные условия для ответчика и полностью дискриминировал истца, чем нарушил положения ст. 8 КАС РФ.

Административный истец обращал внимание судов на то, что рассматриваемый спор вытекает из публичных отношений. Истец является слабой стороной этих отношений.

По смыслу процессуального закона активность суда должна быть направлена на усиление слабой стороны, на оказание ему содействия в доказывании тех фактов, на которые она ссылается. Однако деятельность судов нижестоящих инстанций была направлена исключительно на подавление активности слабой стороны

властеотношений и на усиление и без того подавляюще сильной стороны государства в споре.

5

Суды не применили нормы права, подлежащие применению.

1) Суды, хотя формально и сослались, но по сути не применили ст. 3 протокола №1 к "Конвенции о защите прав человека и основных свобод" (Европейская Конвенция).

Между тем, именно эта норма международного права гарантирует истцу участие в свободных выборах в федеральный парламент.

Если б суд применил эту норму Европейской Конвенции, то пришел к выводу о том, что на участке дистанционного голосования был нарушен принцип свободных выборов ввиду нарушения тайны голосования, ввиду аномального голосования, сбоя в голосовании, проведения голосования не избирательным органом, а органом исполнительной власти, подчиненным одному из кандидатов, партия которого соперничала с партией КПРФ.

Суды не применили взаимосвязанные со ст. 3 протокола №1 к Европейской Конвенции общепризнанные нормы международного права.

1.1) Свод рекомендуемых норм при проведении выборов - руководящие принципы и пояснительный доклад, принятые Венецианской комиссией на 52-й сессии (Венеция, 18-19 октября 2002 года), который устанавливает в п. 3.2. «Свободное волеизъявление и борьба с нарушениями на выборах», что 1) процедуры голосования должны быть простыми; 2) избиратели должны всегда иметь возможность проголосовать на избирательном участке. Другие способы голосования допускаются при соблюдении следующих условий: 4) электронное голосование должно использоваться лишь в том случае, если оно безопасно и надежно; в частности, избиратели должны иметь возможность получить подтверждение того, что они проголосовали, и быть в состоянии при необходимости исправить допущенную при голосовании ошибку без ущерба для тайны голосования; система должна быть прозрачной; 8) подсчет голосов должен быть прозрачным. Наблюдателям, представителям кандидатов и представителям средств массовой информации должно быть разрешено присутствовать при подсчете голосов. Эти лица должны также иметь доступ ко всем записям.

В п. 3.2. «Наблюдение за выборами» отмечается, что: а). наблюдателям должны быть предоставлены как можно более широкие возможности для участия в наблюдении за проведением выборов. б). Наблюдение всегда должно разрешаться на этапе подсчета голосов.

1.2) В п. 57 отчета Европейской Комиссии по демократии через право (Венецианская Комиссия) «О совместимости удаленного голосования и электронного голосования с стандартами Совета Европы» принят Венецианской комиссией на своей 58-й пленарной сессии (Венеция, 12-13 марта 2004 г.) указано, что статья 3 Протокола 1 прямо не ссылается на приемлемость дистанционного голосования и электронного голосования. Тем не менее, следует отметить, что выборы, которые не учитывают принцип тайного избирательного права не могут претендовать на «свободные выборы».

1.3) В п. 66 Совместного заключения Бюро по демократическим институтам и правам человека (ОБСЕ / БДИПЧ) и Венецианской комиссии по проекту Избирательного кодекса Болгарии, принятом Советом по демократическим выборам на его 47-м заседании (Венеция, 20 марта 2014 г.) и Венецианской комиссии на ее 98-м

пленарном заседании (Венеция, 21-22 марта 2014 г.) отмечается, что электронном голосовании через интернет возникает целый ряд проблем, связанных с конфиденциальностью и защитой данных, поскольку требуется, чтобы система идентифицировала избирателей и обеспечивала право голоса только избирателям, имеющим право голоса. Для этого система должна будет обрабатывать и хранить личные данные, что требует применения многочисленных стандартов обработки личных данных с помощью электронных средств. Поэтому в законе должны быть установлены юридические и технические гарантии, необходимые для введения электронного голосования и перед обработкой персональных данных системой.

1.4) В п. 66 отчета о совместимости дистанционного голосования и электронного голосования со стандартами Совета Европы - CDL-AD (2004) 012, - принят Венецианской комиссией на ее 58-м пленарном заседании (Венеция, 12-13 марта 2004 г.) отмечается, что необходимо обеспечить конфиденциальность электронного голосования гарантированными мерами, сравнимыми с теми, которые применимы к голосованию по почте, особенно предотвращением манипуляции данными, защитой анонимности для предотвращения возможного раскрытия волеизъявления избирателя, а также поддержанием подлинности и целостности поданных голосов.

1.5) В п. 44 Кодекса надлежащей практики в избирательных вопросах, Руководящих принципов и пояснительном отчете, приняты Венецианской комиссией на ее 52-й сессии, Венеция, 18-19 октября 2002 г. говорится, что должна быть гарантирована прозрачность системы (дистанционного электронного голосования) в том смысле, что должна быть возможность проверить ее правильное функционирование.

1.6) Согласно Рекомендациям CM / Rec (2017) 5 Комитета министров государствам-членам (Совета Европы) о стандартах электронного голосования: 7. Должна быть обеспечена уникальная идентификация избирателей таким образом, чтобы их можно было безошибочно отличить от других лиц. 8. Система электронного голосования предоставляет пользователю доступ только после его аутентификации как лица с правом голоса. 9. Система электронного голосования должна гарантировать, что только соответствующее количество голосов на одного избирателя будет подано, сохранено в электронной урне для голосования и учтено в результатах выборов. 15. Избиратель должен иметь возможность убедиться, что его намерение точно отражено в голосовании и что запечатанный голос поступил в электронный ящик для голосования без изменений. Любое неправомерное влияние, повлиявшее на голосование, должно быть обнаружено. 17. Система электронного голосования должна предоставлять убедительные доказательства того, что каждый подлинный голос точно включен в соответствующие результаты выборов. Доказательства должны поддаваться проверке средствами, независимыми от системы электронного голосования. 18. Система должна предоставить убедительное свидетельство того, что только голоса имеющих право голоса были включены в соответствующий окончательный результат. Доказательства должны поддаваться проверке средствами, независимыми от системы электронного голосования. 19. Электронное голосование должно быть организовано таким образом, чтобы обеспечить соблюдение тайны голосования на всех этапах процедуры голосования. 26. Процесс электронного голосования, в частности этап подсчета голосов, должен быть организован таким образом, чтобы было невозможно восстановить связь между незапечатанным голосом и избирателем. Голоса были и остаются анонимными. 42. Перед проведением любых электронных выборов избирательный орган должен убедиться, что система электронного голосования подлинная и работает правильно. 43. Должен быть установлен порядок регулярной

установки обновленных версий и исправлений всего соответствующего программного обеспечения.

Если бы суды применили указанные нормы международного права, то пришли бы к выводу, что при реализации ДЭГ не соблюдалась тайна голосования, не соблюдалась прозрачность всех процедур, которые происходили в виртуальной среде ДЭГ, в список избирателей включались не-избиратели, аутентификация кодами на мобильный телефон допускала, что вместо избирателей голосовать могли не-избиратели, также не исключалось «семейное» и иное подконтрольное голосование, процедура переголосования не гарантировала, что не произойдет перекладки голосов от оппозиции к «команде Собянина», кроме того, сама по себе эта процедура нарушает тайну голосования, избирателю, честно голосовавшему в ДЭГ, не предоставлялось никаких доказательств того, что его голос правильно учтен в электронной урне и что с ним не происходило никаких манипуляций в «закрытом» блокчейне, не имеется никаких доказательств того, что честно поданные голоса при подсчете не были изменены, процедура переголосования не могла быть проведена без поддержания связи между голосом, поданным в ДЭГ и личностью избирателя, а значит, организаторы выборов знали кто и как проголосовал в ДЭГ, никакой проверки безопасности и аутентичности СПО ПГУ Москвы УИК ДЭГ не производил, более того, его члены вообще не знали, где находится оборудование, на котором инсталлирована ГИС ДЭГ, и конечно они не могли убедиться, какая версия использовалась во время голосования и при подсчете голосов, не было ли внедрено в нее вредоносное ПО, которое фальсифицировало итоги голосования.

В этой связи решения двух нижестоящих судов являются незаконными, т.к. приняты без учета указанных международных стандартов ДЭГ.

2) Суды не применили пп. 62¹ ст. 2 и п. 14 ст. 64 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" и ч. 17 ст. 81 Федерального закона от 22.02.2014 №20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 23.05.2020 № 152-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве».

Однако именно эти нормы допускают дистанционное электронное голосование на выборах вообще, в Москве, в частности. Без их применения суды двух инстанций не могли прийти к заключению о законности всех избирательных процедур, которые осуществлялись УИК ДЭГ и ДИТ в процессе составления списка ДЭГ и в ходе электронного голосования 17-19.09.2021.

3) Суды не применили ч. 5-7 ст. 3 Федерального закона от 23.05.2020 № 152-ФЗ и ч. 4 ст. 4 Закона г. Москвы от 19.05.2021 № 11 "О внесении изменений в отдельные законы города Москвы и проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах в органы государственной власти города Москвы, органы местного самоуправления в городе Москве в 2021 году", хотя именно эти нормы регулируют порядок включения избирателей в список для участия в ДЭГ на ПГУ Москвы.

Без применения этих норм суды не могли проверить, соответствовала ли процедура регистрации избирателей в списке ДЭГ законному порядку.

4) Суды не применили ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 23.05.2020 № 152-ФЗ, хотя эта норма вменяет в обязанность УИК обеспечить участие избирателей, включенных в список, в ДЭГ.

Если бы суды применили это законоположение, то пришли бы к выводу, что УИК ДЭГ полностью устранялась как от составления списка избирателей (его фактически составлял ДИТ, под контролем которого находились серверы с установленным на них ПО ПГУ Москвы), а также от обеспечения участия именно избирателей, именно включенных в список, именно зарегистрированных на территории соответствующего одномандатного округа, в голосовании. На самом деле все эти процедуры совершались ДИТ, а не УИК ДЭГ, что является нарушением указанной нормы федерального законодательства.

5) Суды не применили ст. 5 Федерального закона от 23.05.2020 № 152-ФЗ, которая гарантирует гласность проведения всех избирательных процедур в ДЭГ.

Однако, как выше доказал административный истец, гласность была нарушена, как минимум, с 20:00 19.09.2021, когда на участке ДЭГ была отключена нода наблюдателей, которые не могли, как впрочем и члены УИК ДЭГ, контролировать ход подведения итогов на участке, сортировки бюллетеней, их подсчета, отсутствие вбросов бюллетеней.

6) Суды не применили ч. 10 ст. 3 и ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 23.05.2020 № 152-ФЗ и ч. 5 ст. 4 Закона г. Москвы от 19.05.2021 N 11 о тайне голосования.

Между тем, тайна голосования при переголосовании в ДЭГ не могла быть обеспечена в принципе, в ином случае избиратель не смог бы найти именно свой бюллетень с предыдущей отметкой о голосовании.

Если бы суды применили указанные нормы закона, то пришли бы к выводу, что тайна голосования многократно была нарушена в ходе переголосований, которые происходили в пользу административного кандидата. У КПРФ и ее кандидата Рашкина В.Ф. голоса отнимались. Все это говорит о нарушении тайны голосования, о наличии у ДИТ доступа не только к бюллетеням, но к тому, какой избиратель, за кого проголосовал.

7) Суды также не применили принципы, регламентированные:

ч. 1 ст. 8 (гласность проведения выборов), ч. 3 ст. 69 (запрет подкупа и лотерей на выборах), ч. 2 ст. 85 (непрерывный подсчет голосов после 20:00 в последний день голосования) Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»,

п. 7 ст. 3 (выборы организуют избирательные комиссии) ст. 7 (тайна голосования), п. 2 ст. 63 (запрет нумерации бюллетеней), п. 4 ст. 64 (личное голосование), п. 8 ст. 64 (голосование в кабинке), п. 1 ст. 68 (подсчет голосов только членами избирательных комиссии) Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ,

В отношении заявителя применялись п. 14 ст. 64 ФЗ-67 и ч. 17 ст. 81 ФЗ-20, а также все положения ФЗ-152, которые наделяют ЦИК полномочиями по организации ДЭГ. Нарушения в ходе ДЭГ 17-19.09.2021 привели к нарушениям основных принципов избирательного права (вытекающих из фактических обстоятельств дела, на которые имеются ссылки в п. 1.1-1.4 настоящей жалобы): равного избирательного права (п. 1 ст. 3 ФЗ-67) открытости и гласности работы избирательных комиссий (п. 5 ст. 3 ФЗ-67), принцип организации выборов исключительно избирательными комиссиями (п. 7 ст. 3 ФЗ-67).

Принцип открытости и гласности – конституционно-значимый принцип, гарантирующий проведение свободных выборов. Статья 68 ФЗ-67 предусматривает порядок подсчета голосов избирателей, при котором подсчет осуществляется открыто и гласно с оглашением и соответствующим оформлением всех результатов выполняемых действий по подсчету бюллетеней и голосов избирателей.

8) Как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, обеспечение гласности, транспарентности в рамках избирательного процесса, его открытости для контроля со стороны институтов гражданского общества позволяет гражданам быть уверенными в том, что все избирательные процедуры осуществляются на основе соблюдения законности, а подсчет поданных ими голосов на выборах производится в строгом соответствии с состоявшимся волеизъявлением (Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июня 2010 г. №14-П, Определение Конституционного Суда РФ от 7 июля 2016 г. №1422-О).

При реализации дистанционного электронного голосования 17-19.09.2021 на участке такой порядок бездействием УИК ДЭГ был нарушен.

При этом, в отличие от голосования с помощью бумажного бюллетеня, реализация процедуры ДЭГ на участке № 5001 позволяла избирателю переголосовать. В результате переголосования на участке № 5001 большинство избирателей изменило свой первоначальный выбор в пользу административного кандидата, одержавшего итоговую победу в округе. При этом суды первой и второй инстанций отказали истцу в проверке достоверности голосов переголосовавших. Учитывая, что еще в 15 округах в г. Москве сложилась абсолютно аналогичная ситуация – кандидаты от КПРФ и Рашкин В.Ф. проиграли именно на «цифровых» участках и, как показывает статистика, именно в связи с переголосованием в пользу административных кандидатов, – судам нижестоящих инстанций не следовало уклоняться от подробной и внимательной проверки того, почему переголосование происходило синхронно во всех округах в пользу конкретных кандидатов. Так как суды по сути уклонились от рассмотрения иска в этой части, истец полагает, что имеются неустранимые сомнения в честности переголосования и что в его ходе 17-19.09.2021 принцип равного избирательного права был нарушен, при этом УИК ДЭШ не предприняла никаких действий к тому, чтоб соблюсти этот принцип.

Принцип организации выборов исключительно избирательными комиссиями означает, что организацией и проведением выборов занимаются исключительно избирательные комиссии – как независимые от всех ветвей власти государственные органы.

Выступая оператором системы электронного голосования и используя собственную инфраструктуру, ДИТ фактически подменил УИК ДЭГ и выступил фактическим организатором выборов.

Следовательно, в деле истца подлежали применению законоположения о дистанционном электронном голосовании (п. 14 ст. 64 ФЗ-67, ч. 17 ст. 81 ФЗ-20, а также ФЗ-152), которые судами не были применены. Эта ошибка судов нижестоящих инстанций привела к тому, что они не увидели существенных нарушений конституционных принципов избирательного права, которые были допущены действиями и бездействием ответчика в деле истца.

В этой связи решение Пресненского райсуда и определение Мосгорсуда являются незаконными.

Если бы суды первой и второй инстанций правильно применили эти нормы права, то пришли бы к неизбежному выводу, что на участке № 5001 в результате незаконных

действий ДИТ и УИК ДЭГ, которая полностью отстранилась от совершения избирательных действий и перепоручила их ДИТ, произошли:

1) нарушения правил составления списков избирателей, и эти нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей;

2) нарушения порядка голосования и установления итогов голосования, и эти нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей;

3) воспрепятствования наблюдению за проведением голосования и подсчетом голосов избирателей, и они не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей;

4) нарушения порядка формирования УИК ДЭГ, и это не позволяет выявить действительную волю избирателей;

5) а также другие нарушения законодательства Российской Федерации о выборах депутатов Государственной Думы.

Таким образом, обжалуемые судебные акты не могут быть признаны законными, учитывая ошибки судов первой и второй инстанций в правоприменении.

На основании изложенного,

Просим суд третьей инстанции

отменить решение Пресненского районного суда от 21.10.2021 по делу № 02а-677/2021,

отменить апелляционное определение Московского городского суда от 17.11.2021 по делу № 33а-5455/2021

и,

не передавая дело на новое рассмотрение в суды нижестоящих инстанций, вынести по делу новое решение, которым удовлетворить административный иск.

Приложения:

.....

.....

Представитель КПРФ [представитель В.Ф. Рашкина] _____/_____

.